

ПЬЕР ПАСКАЛЬ В ИСТОРИОГРАФИИ: обзор российских и французских исследований

Имя Пьера Паскаля, или Петра Карловича Паскаля (1890–1983), до сих пор, к сожалению, неизвестно широкому кругу читателей. А ведь он был одним из наиболее ярких европейских интеллектуалов, принявших участие в революции 1917 г. в России. Мистик революции, сблизившийся с большевиками на почве любви к русскому крестьянству, увидел в Октябре 1917 года путь к осуществлению религиозных обетований и чаяний народа. Француз по рождению, он связал свою жизнь с Россией, а смыслом его жизни была русская тема, или, выражаясь словами его ученика, профессора Женевского университета Жоржа Нива – «русская религия».

Ученик лазариста аббата Фернана Портала, Паскаль вдохновился формулой русского величия, будучи еще студентом Эколь Нормаль: в 1911 г. он впервые побывал в России. Вновь в боготворимую им страну Паскаль попадет после двух ранений на фронте: в 1916 г. его отправят во Французскую военную миссию в России, а в 1918 г. при отзыве Миссии он откажется вернуться на родину и останется в России вплоть до 1933 г. За 17 лет, прожитых в Советском Союзе, лейтенант французской армии Паскаль прошел путь от революционного романтизма, увлечения марксизмом, членства в компартии и прославления советской власти до сомнений в деле революции и разочарования в НЭПе, разрыва с коммунизмом, осознания краха большевистской утопии и своеобразного эскапизма от политики в коммунарную жизнь, изучение русской истории и религии. После того как Паскаль вернулся во Францию, он защитил две докторские диссертации о протопе Аввакуме и начал преподавать русский язык и литературу в Лилльском университете (1936–1937), в Школе восточных языков в Париже (1937–1950), в Сорбонне (1950–1960). Паскаль по праву считается выдающимся французским славистом XX в. и признан одним из лучших специалистов на Западе по истории религиозного раскола и

* *Ольга Сергеевна Данилова, кандидат исторических наук, координатор международного сотрудничества в Центре изучения истории, литературы и искусства Франции (Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина).*

русского благочестия. Он воспитал целую плеяду учеников-русистов, прославившихся исследованиями и литературными переводами.

Несмотря на столь интересную судьбу и своеобразие мировоззренческой позиции Паскаля, личность этого французского интеллектуала долгое время незаслуженно оставалась вне сферы внимания отечественных историков. Его научное наследие до сих пор мало изучено, а ведь оно включает литературоведческие, исторические, этнографические, религиоведческие исследования. Наконец, большую историческую ценность имеет не опубликованный пока на русском языке многотомный «русский дневник» Паскаля, посвященный пребыванию автора в России. Именно из-за недоступности французских изданий и отсутствия перевода на русский язык труды Паскаля до сих пор не заняли в отечественной науке достойного места. И только в последнее время интерес российских исследователей к фигуре Паскаля значительно вырос. Если до 1990-х гг. редкий историк упоминал о нем, то на рубеже веков, особенно в начале XXI столетия, статьи и доклады о Паскале все чаще начинают появляться на страницах различных периодических изданий, сборников и в сети Интернет.

Одно из первых упоминаний о Паскале относится к 1977 г., когда в журнале «Новая и новейшая история» была опубликована рецензия специалиста по истории русского масонства О.Ф. Соловьева на первый том дневников Паскаля¹, где автор кратко изложил содержание этой книги, опубликованной в Женеве (1975), и подчеркнул ее достоинства с точки зрения расширения источниковой базы для изучения истории установления советской власти в России в 1917–1918 гг. Интерес Соловьева к книге Паскаля неслучаен и вполне объясним: профессиональный дипломат занимался на службе составлением аналитических обзоров отношений СССР и других держав, а кроме того, вел научную работу, результатом которой стала защита докторской диссертации в Московском государственном педагогическом институте на тему «Великий Октябрь и крах его противников»². В 1972 г. Соловьев получил постоянный контракт в Международной организации труда на пост директора Департамента изданий и документации в Женеве. До 1975 г. он находился там во главе крупного издательского комплекса, занимавшегося публикацией документов организации, социально-экономической литературы и специальной периодики. Именно тогда

¹ Соловьев О.Ф. Рец. на кн. П. Паскаля «Мой русский дневник. Во французской военной миссии в 1916–1918 гг.» // НиНИ. 1977. № 2. С. 190–192.

² Соловьев О.Ф. Великий Октябрь и крах его противников. К вопросу о роли союза Антанты с внутренней контрреволюцией и развязывании интервенции и гражданской войны (октябрь 1917 – июль 1918). М., 1968.

на основе архивных материалов он и начал свою рукопись по истории русского масонства. Очевидно, выход дневника Паскаля не прошел мимо дипломата-историка, ведь мемуары затрагивали, в том числе, сферу его научных интересов.

Имя Паскаля и его работы о протопопе Аввакуме давно были известны узкому кругу советских и российских ученых-франковедов и специалистов по древнерусской литературе, истории церковного раскола и старообрядчества. Однако до недавнего времени в историографии отсутствовала концептуальная оценка личности Паскаля и его мировоззрения. Восполнить этот пробел, раскрыв внутренние мотивации всех метаморфоз судьбы этого французского интеллектуала, и тем самым вписать новую страницу в историю русско-французских отношений первых десятилетий XX в. были призваны работы конца 1990-х – начала 2000-х гг. Именно тогда исследователи Санкт-Петербурга и Екатеринбурга начали заниматься изучением личности и жизненного пути Паскаля. Пионерами в этой области можно смело считать В.С. Ржеуцкого и В.А. Русакову. Дочь свояченицы Паскаля Аниты Русаковой, Вера Александровна стала изучать французский язык, чтобы «узнать свои корни» и разобрать письма из семейного архива, доставшегося ей по наследству от матери (сама она дядю никогда не видела, хотя и переписывалась с ним). Так она оказалась слушательницей языковых курсов в Альянс Франсез в Санкт-Петербурге, где и познакомилась с преподавателем французского, историком Владиславом Ржеуцким. В результате их сотрудничества появились первые российские статьи о Паскале³. Их совместная публикация была информационно насыщена и изобиловала яркими цитатами, так как авторы опирались непосредственно на дневники Паскаля, а также на работы французских авторов о нем – как учеников, так и современников Паскаля. Кроме того, публикация имела приложение – генеалогическое древо семьи Русаковых, которое наглядно демонстрировало русско-французские скрещения судеб членов этого многочисленного семейства. Две из пяти дочерей Русаковых были замужем за французами: Любовь – за писателем Виктором Сержем, Евгения (Женни) – за Паскалем. Несмотря на то что Ржеуцкий – специалист прежде всего по истории русско-французских отношений XVIII–XIX вв. имя Паскаля фигурировало и в его последующих публикациях⁴.

³ Русакова В.А., Ржеуцкий В.С. Пьер Паскаль: христианин или большевик // Российская интеллигенция на историческом переломе (первая треть XX века): Тез. докл. и сообщ. науч. конф. 19–20 марта 1996 г. СПб., 1996. С. 233–239; Pierre Pascal. Француз, влюбленный в Россию. Интервью с В.А. Русаковой // Bulletin d'Alliance Française de Saint-Petersbourg. 1999. № 2. С. 3–4.

⁴ Ржеуцкий В.С. Французский институт в Санкт-Петербурге // Альянс Франсез и Французский институт в Санкт-Петербурге. СПб., 2001. С. 64–127; Он же. «Французский институт в С.-Петербурге» (1911–1919) и русско-французское научное и культурное сближение // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 7. М., 2006. С. 293–322.

Вторым «центром», где велась работа по изучению феномена Паскаля, стал Урал. Под руководством доцента кафедры Новой и Новейшей истории Уральского госуниверситета, франковед В.А. Бабинцева⁵ группа студентов и аспирантов изучала историю франко-русских связей периода Октябрьской революции. Будучи одним из первых переводчиков литературного наследия Виктора Сержа, Бабинцев вовлек в орбиту своих научных интересов многих студентов: И.В. Жукову, Л.В. Слуцкую, О.С. Данилову, Т.В. Краеву. С конца 1990-х – начала 2000-х гг. появляется серия публикаций (иногда совместных⁶) и диссертаций⁷, посвященных франко-русским культурным связям начала XX в. и французским левым интеллектуалам, в которых непременно присутствует анализ взглядов Паскаля. Так, тема «Революция, большевизм и сталинизм глазами франко-русских интеллектуалов» стала основной в исследованиях Жуковой⁸ и Слуцкой⁹. Изыскания Краевой

⁵ Бабинцев В.А. Христианский шанс русской революции в зеркале французского «католического возрождения» // Европа в контексте диалога Запада и Востока в новое и новейшее время. Екатеринбург, 1998. С. 130–132.

⁶ Данилова О.С., Слуцкая Л.В. Историческая память и восприятие исторических событий. Европейские интеллигенты и русская революция // Imagines mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. Вып.1. Альбионика. Екатеринбург, 2001. С. 135–140; *Они же*. Виктор Серж и Пьер Паскаль: попутчики большевизма // Виктор Серж: Социалистический гуманизм против тоталитаризма: Материалы международной науч. конф. (Москва, 29–30 сентября 2001 г.). М., 2003. С. 90–97; Данилова О.С., Краева Т.В. Французская военная миссия в России (1916–1919) и воспоминания ее сотрудников о пребывании на Урале // Наука. Человечество. Общество. Вестник Уральского отделения РАН. 2011. № 1 (35). С. 87–102.

⁷ Жукова И.В. Становление левого антитоталитаризма: франкоязычная критика сталинской системы в 1930–1940-е гг.: Дис. ...канд. ист. наук. Екатеринбург, 1999; Данилова О.С. Французское «славянофильство» конца XIX – начала XX века : Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005; Краева Т.В. Образ революции в системе представлений французских левых интеллектуалов : 1917 – сер. 30-х гг. XX в. : Дис. ...канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006; Слуцкая Л.В. Французские левые интеллектуалы в Советской России в 1917–1929 гг.: Дис. ...канд. ист. наук. Минск, 2009

⁸ Жукова И.В. Левые антитоталитаристы о судьбе европейской цивилизации XX века // Запад и Восток: цивилизационные парадигмы XVII–XX вв. Екатеринбург, 1997. С. 47–52; *Она же*. Личность против тоталитаризма: левая франко-русская интеллигенция первой половины XX в. // Личность в политической истории Европы и США в новое и новейшее время: Материалы юбилейной науч. конф. Уфа, 1997. С. 18–21; *Она же*. Интеллектуальная детоталитаризация и опыт левых антитоталитаристов 1930–1940-х гг. Интеллигенция России в истории XX века: Неоконченные споры. К 90-летию сборника «Вехи»: Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 1998. С. 185–187; *Она же*. Революция, большевизм и сталинизм глазами франко-русских интеллектуалов: от общности судеб к общности идей (1910–1940-е гг.). // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 9. М., 2009. С. 305–344.

⁹ Слуцкая Л.В. Французские попутчики большевизма: интернационализм или сюрнационализм? // Европа в контексте диалога Запада и Востока в новое и новейшее время: материалы науч. межвуз. конф., Екатеринбург, 10–11 апр. 1998 г. Екатеринбург, 1998. С. 135–137; *Она же*. Европейские левые в интеллектуальном контексте большевизма // Sociokultúrna realita a prítoda. 2007. № 2. С. 132–141; *Она же*. Французский взгляд на большевизм сквозь призму ценностных ориентаций // Образы прошлого в историографии: белорусско-французский диалог. Минск, 2008. С. 122–132.

были сосредоточены на теме «Образ революции в системе представлений левых интеллектуалов»¹⁰. Непосредственно же Паскалем занималась автор данного обзора: начав с дневников Паскаля, она посвятила ему диплом и ряд статей¹¹, а затем частично – диссертацию и последующие публикации¹².

Основополагающими источниками для авторов при написании всех этих работ были: «Русский дневник» Паскаля, некоторые мемуарные свидетельства его друзей и коллег (как на французском, так и переведенные к тому времени на русский), а также работы французских историков, уже вышедшие к тому времени в России (подробнее об этом во второй части статьи). Из архивных материалов авторы располагали документами, обнаруженными в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Однако без изучения франкоязычных источников данные комплексные, междисциплинарные исследования все же имели историко-

¹⁰ Краева Т.В. Применение метода истории представлений для исследования образа исторического явления (на примере образа русской революции в восприятии французских левых интеллектуалов) // Материалы межд. на-уч-практич. конф. Костонай, 2006. С. 95–100; *Она же*. Первая мировая война и русская революция в восприятии членов французской военной миссии в России (1916–1919) // Война и российское общество: 1914–1945 годы: Материалы Пятых уральских военно-исторических чтений, посвященных 80-летию профессора И.Ф. Плотникова. Екатеринбург, 22–23 сентября 2005 г. Екатеринбург, 2005. С. 50–54; *Она же*. Христианство и большевизм в интеллектуальных исканиях Пьера Паскаля // *Imagines mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.*, Вып. № 2. Екатеринбург, 2006. С. 128–136; *Она же*. Французские левые в русской революции: 1917–1921 гг. // ФЭ. 2009. Левые во Франции. М., 2009. С. 191–207.

¹¹ Данилова О.С. «Анти-Кюстин»: Русская душа глазами французского славянофила (октябрь 1917 года) // Европа в контексте диалога Запада и Востока в Новое и Новейшее время: Материалы межвузовской науч. конф. Екатеринбург, 1998. С. 132–134; *Она же*. Пьер Паскаль и Александр Блок: Христианское отношение к большевизму // Интеллигенция России в истории XX века: Неоконченные споры. К 90-летию сборника «Вехи»: Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 1998. С. 83–84; *Она же*. Пьер Паскаль: Попытка христианского осмысления 1917 года // Воспитание духовности: Ценности и традиции: Докл. и тез. Второй Всероссийской конф. 15 апреля 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 214–216; *Она же*. Судьбы славянофильства: Французский вариант // Российская интеллигенция: Критика исторического опыта. Тез. докл. Всероссийской конф. с международным участием, посвященной 80-летию сборника «Смена вех». 1–2 июня 2001 г. Екатеринбург, 2001. С. 47–48; *Она же*. История культуры России в наследии Пьера Паскаля // Мир истории: новые горизонты: Тез. докл. студенческой научно-практической ежегодной конф. Екатеринбург, 2001. С. 85–87; *Она же*. Французские «славянофилы» в конце XIX – начале XX в. // Славянский альманах 2001. М., 2002. С. 217–233; *Она же*. У истоков французской славистики – между полонифильством и русофильством – альтернатива XIX в. // Славянский альманах 2003. М., 2004. С. 104–120.

¹² Данилова О.С. Французское «славянофильство» конца XIX – начала XX века // Россия и Франция. XVIII–XX вв. Вып. 7. М., 2006. С. 236–270; *Она же*. Французское «славянофильство» в начале XX века: школа слависти-ки аббата Ф. Портала // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 8. М., 2008. С. 237–266; *Она же*. Группа аббата Ф. Портала и Россия (1903–1919) // Французы в научной и интеллектуальной жизни России (XIX–XX вв.). М., 2010. С. 268–280; *Она же*. Члены французской военной миссии на Урале: попытки понять «русскую душу» // «Французский след» на Урале: Материалы круглого стола, состоявшегося 23 июня 2010 года в рамках выставки «Bonjour, Урал!». Екатеринбург, 2010. С. 128–144.

ческую и историографическую незавершенность. Особенно это касалось периода жизни Паскаля до его приезда в Россию, ведь его дневники начинаются лишь с 1916 г. Собственно, любой российский исследователь, лишенный возможности работы с архивами Паскаля во Франции, открытыми для широкой публики только в 2006 г., оказывался в те времена заложником ситуации. Вот почему в первых работах отечественных авторов о Паскале встречаются порой фактические ошибки и неточности. Это не помешало им, однако, осветить в целом идейную траекторию левого европейского интеллектуала, которая на исторически краткий миг соприкоснулась с траекторией российского большевизма.

В основном при анализе интеллектуальных исканий Паскаля и объяснениях его выбора в пользу большевизма уральские историки схожи во мнениях. Здесь отметим лишь работы «из последних»¹³: основанную на материалах французских архивов, в том числе частных, документальную статью Даниловой о духовно-нравственном становлении Паскаля, рассматривающую процесс эволюции его идейно-политических взглядов до приезда в Россию, и статью Бабинцева во «Французском ежегоднике», посвященном французским левым. Автор последней на основе анализа «Русского дневника» опроверг утверждения Ж. Нива и Ф. Фюре о вере Паскаля в коммунизм и предложил новую формулу для французских интеллектуалов: «допущение на уровне бессознательного возможности быть большевиком частично, принимая “справедливость” социализма, но подвергая сомнению его “истинность”». Работы екатеринбургских историков сыграли важную роль в изучении личности, творчества и мировоззрения Паскаля.

В последние годы границы российской историографии о Паскале были значительно расширены за счет открытия новых авторов. И здесь особенно интересно отметить, кто и как из них пришел к изучению Паскаля и его научного наследия. В порядке появления укажем работы следующих авторов: Ю.В. Розанова, А.В. Езерова, Т.А. Серезко, А.А. Исэрова, А.М. Грачевой¹⁴. Вологодский филолог Розанов интере-

¹³ *Бабинцев В.А.* Пьер Паскаль: левая траектория французского консерватизма // ФЕ 2009. Левые во Франции. М., 2009. С. 208–220; *Данилова О.С.* Духовное и интеллектуальное становление Пьера Паскаля (1893–1916). По материалам французских архивов // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып.10. М., 2011.

¹⁴ *Розанов Ю.В.* Пьер Паскаль об истории и культуре России // Французская культура в русской провинции (Вологодский край). Материалы чтений. Вологда, 2000. С. 25–32; *Он же.* Протопоп Аввакум в творческом сознании А. М. Ремизова // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 566–579; *Езеров А.В.* Христианский коммунизм Пьера Паскаля (URL: http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=lestovka_texts&id=37); *Серезко Т.А.* Русское народное благочестие: взгляд иностранца // Макарьевские чтения: материалы шестой международной конф. Горно-Алтайск, 2007. С. 178–189; *Грачева А.М.* Собинные друзья протопопа Аввакума

совался отношениями Паскаля с русским писателем Алексеем Ремизовым, завязавшимися, когда Ремизов уже жил в эмиграции в Париже, а Паскаль только вернулся туда из СССР. Автор, используя документальные свидетельства, прекрасно передал степень духовной близости русского и француза на почве любви к России, ее культуре, особенно к «русскому блистательному XVII веку» и его ключевой фигуре – протопопу Аввакуму.

Здесь же отметим работу филолога, профессора ИРЛИ РАН, издателя сочинений Ремизова и автора книг о его творчестве и сотен статей о русской литературе XX века М.А. Грачевой, в которой автор рассказывает о «собинных друзьях протопопы Аввакума» Ремизове и Паскале. Старообрядческий публицист, общественный и церковный деятель А.В. Езеров не раз обращался к личности Паскаля в своих публикациях. Естественно, что автор писал о нем в первую очередь как «о выдающемся французском филологе, переводчике на французский язык Жития священномученика Аввакума и замечательном исследователе раннего старообрядчества» и не знал при этом об удивительной и примечательной судьбе этого необычного человека. Но после выхода статьи Ж. Нива о Паскале автор счел нужным восполнить этот пробел: он фактически воспроизвел содержание данной статьи, снабдив ее некоторыми комментариями и заключениями.

Работа Паскаля о русском народном благочестии стала объектом исследования белгородского философа, специалиста в области народной религии Т.А. Сережко. Ее работа – это предметный анализ паскалевской статьи, вышедшей на немецком языке в 1962 г. В заключение автор отмечает, что не со всеми идеями француза может согласиться, однако это не умаляет значения его публикации, которая русскому читателю «дает возможность расширить и дополнить собственные представления о своем народе». Историк, археограф и переводчик А.А. Исэров также пришел к изучению наследия Паскаля через старообрядчество, узнав про его работу «Аввакум и начало раскола». О «русском» периоде жизни француза он сделал устный доклад на Ломоносовских чтениях в 2008 г., а в скором времени ожидается публикация им обширной статьи о Паскале.

Говоря о новейших публикациях необходимо отметить и еще один «центр» по изучению жизни и творчества Паскаля. В свое время деятельность Паскаля была тесно связана с Нижегородским регионом: он вдоль и поперек объездил этот старообрядческий край, работая

над переводом «Жития» Аввакума. Теперь специалисты кафедры зарубежной литературы и теории межкультурной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова изучают маршруты Паскаля (в экспедициях также участвует и А.А. Исэров), его филологические работы и переводы, общественную и религиозную деятельность. Исследовательскую работу курируют преподаватели университета: профессор, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РФ З.И. Кирнозе и кандидат филологических наук, доцент К.Ю. Кашлявик, опубликовавшие в 2009–2011 гг. ряд статей о творческом наследии Паскаля¹⁵.

Невозможно завершить обзор российской историографии без упоминания появившихся в последние годы переводов научных трудов Паскаля, его дневников или архивных материалов и вступительных статей к ним¹⁶. Из них особо стоит выделить две объемные работы¹⁷. Во-первых, это – перевод книги «Протопоп Аввакум и начало раскола». Первое ее издание вышло в 1938 г., переиздания – в 1963 и 1969 гг. И вот спустя более полувека это фундаментальное исследование, давно вошедшее в золотой фонд европейской науки, наконец появилось и в России! Научным редактором перевода, сделанного в свое время Сер-

¹⁵ *Кашлявик К.Ю.* «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» глазами француза // Знание. Понимание. Умение. Фундаментальные и прикладные исследования в области гуманитарных наук: Научный журнал Московского гуманитарного университета. 2009. № 3, С.147–149; *Кашлявик К.Ю., Переволочанская С.Н.* Энергия смысла и ее выражение при переводе. («Житие протопопа Аввакума им самим написанное» в переводе Пьера Паскаля) // Проблемы теории, практики и дидактики перевода. Материалы второй международной науч. конф. Н. Новгород, 2009. С. 32; *Кашлявик К.Ю.* Возвращение в Россию Пьера Паскаля // Лингвистические основы межкультурной коммуникации: Сб. материалов международной научной конференции 10-11 декабря 2009 г. Литературный концепт и художественная реальность. Н. Новгород, 2010; *Кирнозе З.И., Кашлявик К.Ю.* Пьер Паскаль о протопопе Аввакуме и начале раскола // Материалы IV Аввакумских чтений. 18 февраля 2011 (Большое Мурашкино, Нижегородская обл.). Н. Новгород, 2011; *Кашлявик К.Ю., Кирнозе З.И.* Возвращение Пьера Паскаля в Нижегородские пределы. Фрагменты переводов из «Русского дневника» (Том IV. 1927) // Французы в Нижнем Новгороде. Н. Новгород, 2011.

¹⁶ *Паскаль П.* В Сибири и обратно: страницы из «Русского дневника» / Пер. с фр. В.А. Бабинцева, О.С. Даниловой // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 1999. № 6. С. 103–111; *Данилова О.С.* «Цивилизация духа и души»: русские глазами французского «славянофила». Стенограмма выступления Пьера Паскаля во Французском институте 27 октября 1917 года / Пер. с фр. О.С. Даниловой // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 493–503; *Паскаль П.* Русский дневник / Пер. с фр. В.А. Мильчиной // Отечественные записки. 2007. № 5 (37). С. 225-231; *Паскаль П.* Как меня покорила Россия / Пер. с фр. О.С. Даниловой // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып.10. М., 2011.

¹⁷ *Юхименко Е.М.* Прекрасная книга французского ученого // Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало раскола / Пер. с фр. С.С. Толстого. М., 2010. С. 5–30; *Кучумов И.В.* «Бессмысленный и беспощадный» (заметки к книге Пьера Паскаля по истории пугачевского бунта) // Паскаль П. Пугачевский бунт / Пер. с фр. Л.Ф. Сахибгареевой. Уфа, 2010. С. 5–9. Рецензии на русские издания этих книг можно найти в журналах «Вопросы литературы» (Кирнозе З.И.) и «Российская история» (Мауль В.Я. и Дутчак Е.Е.) за 2011 год.

геем Толстым «не для печати», а, видимо, по просьбе рогожских старообрядцев просто для знакомства с книгой, выступила специалист по старообрядчеству Е.М. Юхименко. Она провела большую, трудоемкую работу, в ее вступительной статье к переводу есть библиографический очерк и научная оценка книги Паскаля в свете современного состояния изучения вопроса.

Во-вторых, под редакцией специалиста по этнологии русского населения Башкортостана И.В. Кучумова увидел свет перевод «Пугачевского бунта» – исследования Паскаля, впервые вышедшего в 1971 г. Кучумова всегда интересовала зарубежная историография Урала, поэтому работу Паскаля о «крестьянской войне» он счел необходимым ввести в отечественный научный оборот, а помогла ему в этом филолог и переводчица Л.Ф. Сахибгареева. По словам Кучумова, для Паскаля пугачевщина была лишь поводом для размышлений об исторических судьбах России и о том, что с ней произошло в первой четверти XX в.: после «Жития» это еще одно обращение Паскаля к проблеме народного протеста, и «автора, видимо, больше интересовал русский бунт как явление, его конкретные проявления и в конечном итоге последствия в случае победы».

Сегодня можно с уверенностью говорить, что российская историография о Паскале обрела свое лицо, хотя, конечно, сравнивать ее с французской пока рано. Имя Паскаля упоминается в большом количестве французских исследований, но в данном обзоре будут упомянуты лишь те, что написаны непосредственно о нем, или те, что посвящены ему частично, но заслуживают внимания. Сразу же оговоримся, что библиография трудов о Паскале достаточно обширна, поэтому вполне возможно, что какие-то работы были упущены автором данного обзора (например, рецензии на многочисленные научные труды ученого). Также в силу практической недоступности изданий вне поля зрения могли оказаться только что вышедшие в свет статьи. Цели выявить все работы при обзоре не стояло, скорее речь шла о том, чтобы сосредоточить внимание на наиболее интересных, показав разные направления и аспекты в исследованиях о Паскале.

Французскую школу, занимающуюся изучением наследия Паскаля, представляют, прежде всего, его ученики Ж. Нива и Ж. Като, издавшие четыре тома мемуаров Паскаля «Мой русский дневник», Ф.-К. Кокен и В.-Л. Тапье, а также его друзья – Ж. Жоаннэ, Ж. Лалуа, А. Мазон. В первую очередь, предметом работ этих авторов стала не столько исследовательская и научно-преподавательская деятельность Паскаля, сколько эволюция его представлений. В боль-

шинстве работ авторы оперируют по отношению к нему терминами «славянофил»/«русофил», «христианский большевик», «янсенист-большевик», «мистик русской революции» и т.д.

Прежде чем начать обзор этих работ, остановимся на первых, изданных на русском языке статьях о Паскале, которые, однако, были написаны авторами из Франции. К сожалению, в двух из трех случаев речь идет о посвященных ему некрологах. Их авторы – религиозные деятели русской эмиграции: писатель, историк В.А. Водов (Водоф) и директор православного издательства русской книги «Имка-пресс», культурный и общественный деятель Н.А. Струве¹⁸. Оба автора отмечали исключительную роль умершего в деле становления французской славистики. Водов считал, что в лице Паскаля «славистика потеряла последнего знаменитого России в целом, ее языка, литературы, истории, быта в самом широком значении этого слова». Автор выделял следующие характерные черты Паскаля как исследователя: «врожденная честность и добросовестность, бесконечная строгость к самому себе, отличная университетская подготовка, стремление к конкретному отображению изучаемого предмета, принцип хронологической последовательности и точности, широкий подход к истории, живой интерес к науке».

Струве, называя своего друга и учителя «патриархом славяноведения», воспитавшим во Франции целую школу русистов, говорил также о его личностных качествах («чувство благоволения к людям, истории, ко всему творению», «неискоренимая вера») и о роли случая в его жизни. «Случайно Паскаль набрел на русскую стезю, случайно она превратилась в его русскую судьбу, случайно он открыл для себя Аввакума и т.д. Но как ум глубоко религиозный Паскаль знал, что «случай» всего лишь светское наименование Провидения», считал Струве.

Третья статья из упомянутых – работа Нива о «русской религии» Паскаля – выходила дважды с изменениями и дополнениями в различных изданиях и долгое время служила российским историкам полезным подспорьем в исследованиях¹⁹. Автор анализировал взгляды

¹⁸ Водов В.А. Пьер Паскаль // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1990. Т. 43. С. 434–436; Струве Н.А. Петр Карлович Паскаль (22.VII.1890 – 1.VII.1983). Памяти учителя и друга // Струве Н.А. Православие и культура. М., 1992. С. 157–161. Здесь же упомянем и беседу Струве с Паскалем – источник, доступный на русском языке: Паскаль П. О причинах революции 1917 года // Вестник русского христианского движения. 1980. № 132. С.253–263.

¹⁹ Нива Ж. Пьер Паскаль, или «русская религия» // Новый круг. 1992. № 1. С. 73–83; *Он же*. «Русская религия» Пьера Паскаля // Нива Ж. Возвращение в Европу: Статьи о русской литературе / Пер. с фр. Е.Э. Ляминой. М., 1999. С. 112–128; *Он же*. Пьер Паскаль или «русская религия» // Синтаксис. Публицистика. Критика. Полемика. 1985 М., 1992. № 15. С. 103–124; « La «religion russe» de Pierre Pascal // Niva G. Russie-Europe, la fin du schisme. Etudes littéraires et politiques, Lausanne, 1993. P. 263–278.

Паскаля на политический режим через призму веры и любви к христианской России, объясняя феномен «христианского большевика», ушедшего в коммунизм, как в монастырь.

Известный славист, автор первой монографии об А.И. Солженицыне (1992), профессор Женевского университета Ж. Нива является, пожалуй, главным популяризатором имени Паскаля в России, автором многочисленных работ и интервью о нем как на русском, так и на французском языке²⁰. Все его многочисленные работы пронизаны в первую очередь уважением к учителю: он не осуждает его за «большевистское прошлое», а пытается понять, что побудило Паскаля сделать такой выбор, встав на парадоксальный путь «христианского большевика». Шаг за шагом автор анализирует эволюцию «мистического отношения» Паскаля к революции, делая акцент на «тяге к Абсолюту» и непоколебимой вере «христианского утописта», который видел во всем Божий промысел и мечтал «устроить жизнь по-евангельски». Кроме того, Нива никогда не обходит стороной научную и преподавательскую деятельность учителя. Рассказы Нива о Паскале всегда увлекательны и интересны, каждый раз он с любовью приводит какие-то новые факты или подробности из жизни учителя и друга, определившего его призвание. Правда, порой в порыве эмоций Нива допускает неточности в биографии Паскаля, но это ничуть не умаляет большого значения его работ.

Продолжая обзор работ друзей и учеников Паскаля, вспомним среди первых статьи Жана Лалуа, дипломата, многолетнего руководителя восточного отдела французского МИДа (он замещал французского посла в Москве в 1955–1956 гг.) и политического историка. Помимо упоминания имени друга в своих исследованиях по истории СССР, Лалуа посвятил непосредственно ему две работы: пронзительный и трогательный некролог в Бюллетене, выпускаемом христианской ассоциацией «Пламя» в Медоне, и предисловие к первому тому «Русского дневника»²¹. С любовью, симпатией и уважением он пишет о друге, на-

²⁰ *Nivat G.* L'itinéraire exceptionnel d'un bolchevik chrétien // *Le Monde*. 1982. 3 décembre; *Idem.* La mort de Pierre Pascal. Un grand témoin de la révolution d'octobre. Un maître des études russes en France // *Le Monde*. 1983. 6 juillet; *Idem* Notice nécrologique de Pierre Pascal // Association amicale des anciens élèves de l'École normale supérieure. *Annuaire*. 1985. P. 40–42; *Idem.* Pierre Pascal // *Encyclopaedia Universalis*. *Universalia* 1984. P. 590–91; *Idem.* Un Russophile: Pierre Pascal // *Nivat G.* Vers la fin du mythe russe. Essais sur la culture russe de Gogol à nos jours. Lausanne, 1982. P. 180–188; *Huva Ж.* Киевская школа аббата Портала http://nivat.free.fr/articles/kievskaja_shkola.php; Профессор Женевского университета Жорж Нива о своем учителе, родоначальнике французской славистики Пьере Паскале. Интервью с протоиереем Александром Степановым <http://www.grad-petrov.ru/archive.phtml?subj=9&mess=203>

²¹ *Laloy J.* A Moscou: entre Staline et de Gaulle // *Mélanges Pierre Pascal, Revue des études slaves*. 1982. T. 54, fasc. 1–2. P. 137–152; *Idem.* Pierre Pascal (1890–1983) // *Plamia*. 1983. № 64.

зывая его «славянофилом» как никто другой понимавшим Россию, а его дневники – «сокровищницей эрудиции и научного прозрения». В некрологе Лалуа отмечает высокие моральные качества Паскаля, признавая свойственный ему мистицизм, и советует прислушаться к его пророческим словам и выводам о причинах русской революции.

Почти детективная история произошла с работами другого паскалевского ученика Франсуа Ксавье Кокена²². В 1994 г. на английском языке вышла его первая большая публикация о Паскале – доклад на конгрессе американской Ассоциации содействия славянским исследованиям. Через три года она стала доступна (в переводе и с некоторыми дополнениями) российским исследователям. А уже в 2003 г. Кокен опубликовал статью, ставшую фактически опровержением его предыдущего текста. Как объяснил сам автор, это было связано с результатами его архивных разысканий в Москве. В первой работе автор описывает политический и духовный путь Паскаля, используя в основном для наглядных примеров его же мемуары. Нельзя упрекнуть эту работу ни в отсутствии информации и фактологии, ни в недостаточности аналитики, но при этом в словах и характеристиках Кокена в адрес Паскаля зачастую присутствует сарказм. Он говорит о его «наивности и легковёрности» в восприятии революции и даже о «чувстве первородного греха» (Паскаль «занял позицию кающегося грешника, и это чувство виновности и нужды в прощении привело его к идеализации революции»). Хотя прямо Кокен не отвечает на поставленный в заключении статьи вопрос – «сочувствуем мы Паскалю или нет?» – его отрицательный ответ сомнений не вызывает. Но это не исключает точности выводов и заключений автора при анализе феномена Паскаля.

Очевидно, сам Кокен не считал свое исследование исчерпывающим и спустя почти 10 лет решил перепроверить свои выводы по материалам личного дела Паскаля, хранящегося в бывшем Институте марксизма-ленинизма (ныне – РГАСПИ), дабы «исправить и обогатить сложившуюся картину» о жизни Паскаля в эмиграции. В начале своей второй статьи Кокен кратко воспроизвел основные положения первой, а затем сообщил данные анкет, собственноручно заполненных Паскалем в 1921 г. Подчеркнув, что эти сведения «точные и неоспори-

Р. 45–48; *Idem*. Préface // Pascal P. Mon journal de Russie (à la mission militaire française) 1916–1918. Lausanne, 1975. P. 9–11.

²² *Coquin F.-X.* Witness to his age: Pierre Pascal (1890–1983), political and intellectual evolution // *Russian History*. 1994. Vol. 21. № 2. P. 134–143; *Кокен Ф.-К.* Пьер Паскаль (1890–1983), его политический и духовный путь / Пер. с фр. Т.В. Партаненко // Из глубины веков: Альманах Санкт-Петербургского госуниверситета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. СПб., 1997. № 8. С. 130–140. *Coquin F.-X.* Pierre Pascal en emigration: le témoignage des archives // *Cahiers de l'émigration russe*. № 7. Les historiens de l'émigration russe. P., 2003, P. 157–180.

мые, ведь советские власти не потерпели бы неверных ответов», Кокен анализирует жизнь Паскаля «при коммунизме» (1918–1925), ставя под сомнение надежность информации «Русского дневника» тех лет. Автор уличает Паскаля в допущении хронологических неточностей при описании «разрыва с партией», показывая, что их отношения длились много дольше (даже сдав партбилет, Паскаль продолжал работать на партию), чем тот отразил в мемуарах. Кроме того, Кокен полемизирует с работами Нива и Фюре, которые, по его мнению, также неверно датировали начало деполитизации Паскаля, а также некорректно истолковали некоторые факты этого периода его жизни. В заключение своего «нового прочтения Паскаля» автор делает три вывода из проведенных в архиве исследований. Во-первых, «белое пятно в биографии Паскаля между 1925 г., годом его исключения из Коминтерна и партии, и его отъездом из СССР в 1933 г.» заставляет задуматься, почему эти 8 лет к нему относились с «явным снисхождением». Во-вторых, «важную роль в обращении Паскаля к революции сыграло его негативное отношение к матери, для которой он в своих воспоминаниях не находил ни одного ласкового слова». Наконец, «выражаясь фамильярно», Кокен пишет, что после возвращения в буржуазную Францию Паскаль «вновь оказался в положении сидящего на двух (или даже больше) стульях, разрываясь, как когда-то, между политикой и религией». Таким образом, если в первой работе автор «не сочувствовал» своему герою, то во второй он и вовсе относится к нему без доли симпатии и уважения. При точности многих утверждений Кокена принять его психоанализ личности Паскаля с претензией на фрейдизм было бы неверно, и доказательство тому – переписка «блудного сына» (так себя называл сам Паскаль) с родными и близкими, которую, Кокен, к сожалению, в работе не использовал.

Отдельно надо сказать о выполненной в жанре исторической эссеистики книге известного историка, члена Французской академии Франсуа Фюре «Прошлое одной иллюзии»²³. Автор некоторое время состоял в коммунистической партии и являлся сторонником марксистской идеологии. В этой же работе он устами своих героев рассказал о разочаровании многих левых интеллектуалов в коммунизме и коммунистических идеалах. По мнению автора, Паскаль был одним из первых в череде «разочаровавшихся». Фюре описывает его как «европейского интеллектуала, служившего делу коммунизма, страдавшего от этой во-

²³ Фюре Ф. Они были первыми // Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. Очерк коммунистической идеи в XX веке / Пер. с фр. В.И. Божович. М., 1998. С. 128–135; Furet F. Le Passé d'une illusion. Essai sur l'idée communiste au XXe siècle, P., 1995, P. 127–170.

площенной утопии» и объясняет причины привлекательности коммунистической идеи для француза-католика. Однако представляется, что предложенная автором схема духовной эволюции героя – «увлечение идеалами коммунизма и разочарование при встрече с реальностью» – является хоть и справедливой, но однолинейной и упрощенной, не позволяющей понять предпосылки метаморфозы монархиста в сторонника большевизма и логику разрыва с последним. И все же именно эта книга после перевода на русский язык стала одним из первых широко доступных изданий, где читатель мог получить достаточно обширную информацию о Паскале и перипетиях его жизненного пути.

Стоит оговориться, что во всех указанных выше трудах научная работа и преподавательская деятельность Паскаля оставались за кадром. В данном же отношении главным историографическим источником можно считать следующие работы. Во-первых, статью друга и первого помощника Паскаля в Сорбонне, филолога, переводчика произведений А.И. Солженицына Жозе Жоанне, где автор восторженно охарактеризовал учителя – «светоч!» – и заметил, что тот «не преподавал, а блистал»²⁴. Во-вторых, подробнейший обзор французской славистики, опубликованный на французском языке в труднодоступном венском издании, часть которого посвящена Паскалю²⁵. Его автор – филолог, специалист по русскому языку Жак Шарль Вейренк дал библиографический обзор основных трудов Паскаля, а также рассказал о его переводческой деятельности. Наконец, специальный выпуск «Журнала славянских исследований» под редакцией Жака Катто в честь Паскаля (1961) со статьями славистов Андре Мазона и Виктора Люсьена Тапье²⁶. Характеризуя разные стороны научной деятельности мэтра, Тапье заключил, что «та школа, которую он прошел, проводя много лет в России среди народа, придавала комментариям Паскаля ценность исторического свидетельства». Мазон охарактеризовал своего коллегу и друга как очевидца революционных и военных событий в самом точном смысле этого слова: он «был чутким, сознающим свою ответственность свидетелем, который по совести судил о происходящем вокруг». Работа Мазона состоит из двух частей: краткой биогра-

²⁴ *Johannet J.* Pierre Pascal // L'enseignement du russe. 1984. № 31. P. 118

²⁵ *Veyrenc J.* Histoire de la slavistique française // Beiträge zur Geschichte der Slawistik in nichtslawischer Ländern. Vienne, 1985. P. 245–303.

²⁶ *Mazon A.* Avant-propos // Revue des études slaves. Mélanges Pierre Pascal. 1961. T. 38; *Tapié V.-L.* Les cours du vendredi // Ibid. В 1982 г. вышел второй сборник «Журнала славянских исследований» в честь Паскаля, но его уместнее отнести к историческим источникам, так как там опубликованы мемуары самого Паскаля об отце, воспоминания друзей Паскаля – Марселя Боди и Бориса Суварина, а также полная библиография его работ. *Revue des études slaves. Mélanges Pierre Pascal.* 1982. T. 54.

фии Паскаля и детального разбора и характеристики его исследовательских работ.

Особое место среди историографических материалов занимают статьи, посвященные памяти Паскаля. Из них, помимо уже перечисленных выше, укажем работы эссеиста, литературного критика и профессора Пьера Паше в католическом журнале *Esprit* (печатный орган французских персоналистов, основанный в 1932 г. Эммануэлем Мунье) и доминиканца, консультанта римского Секретариата по единению церковей Бернара Дююки в возглавляемом им журнале *Istina*²⁷. Отмечу также статьи коллеги Паскаля, специалиста по творчеству Ф.М. Достоевского Бернадетт Моран, обстоятельно проанализировавшей паскалевские мемуары о России, и немецкого историка, преподавателя парижской Высшей школы социальных исследований Ютты Шеррер, которая определяет Паскаля как «христианского социалиста католического вероисповедания»²⁸. Эти материалы содержательно дополняют данные источников личного характера, так как приводят многочисленные свидетельства о жизни Паскаля, характеризуют его научную и творческую деятельность, позволяют выявить его личный вклад в становление культурного диалога России и Франции и, в частности, в развитие французского славяноведения.

Отдельно стоит выделить словарные статьи о Паскале историка новейшего французского рабочего движения, директора парижского Центра социальной истории XX в. Мишеля Дрейфуса и историка, специалиста по истории синдикализма, одного из руководителей издательства «Галлимар» Жана Луи Паннэ, а также статью в сборнике (под редакцией специалиста в области индонезийского языка и цивилизации, профессора Иналько Пьера Лабруса), посвященном юбилею Школы восточных языков (INALCO), где в свое время учился, а затем и преподавал Паскаль²⁹. Если две статьи Паннэ мало чем отличаются друг от друга, являя собой краткий биографический очерк, то статья Дрейфуса гораздо более подробна. Акцент сделан на службу Паскаля

²⁷ *Pachet P.* Pierre Pascal, ou l'histoire d'un regard // *Esprit*. 1983. Avril. P. 152–159; *Dupuy B.* Pierre Pascal et la révolution des soviets. In memoriam Pierre Pascal // *Istina*. 1984. № 29, P. 243–249.

²⁸ *Morand B.* Le journal de Russie de Pierre Pascal // *Connaissance des Hommes*. 1984. № 105. P. 29–33; *Scherer J.* Pierre Pascal, l'événement traversé // *Passé Présent*. 1984. № 3. P. 50–65; *Шеррер Ю.* В поисках «христианского социализма» в России // *Вопросы философии*. 2000. № 12. С. 88–135.

²⁹ *Dreyfus M.* Pierre Pascal // *Komintern, l'histoire et les hommes. Dictionnaire biographique de l'Internationale communiste en France, en Belgique, au Luxembourg, en Suisse et à Moscou: 1919–1943*. P., 2001. P. 445–446; *Panné J.-L.* Pierre Pascal // *Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français (1914–1939)*. Т. 38. P., 1990, P. 69–70; *Idem.* Pascal Pierre // *Dictionnaire des intellectuels français*. P., 2002. P. 1053–1054; *Pierre Pascal // Langues O' 1795–1995. Deux siècles d'histoire de l'Ecole des langues orientales / Textes réunis par P. Labrousse*. P., 1995, P. 133–134.

интересам Советской России и его отношения с другими французами, находившимися в то время в СССР: автор детально описывает деятельность Паскаля в составе французской группы коммунистов. Наконец Дрейфус оспаривает утверждение Фюре о том, что «Кронштадские события в 1921 г. поколебали веру Паскаля в коммунизм», считая, что скорее «этому послужил НЭП». Естественно, что в силу своих профессиональных интересов оба автора используют в качестве источников работы о французских коммунистах или же воспоминания самих левых интеллектуалов. При этом оба они ссылаются на работы Нива и данное им Паскалю определение «христианский большевик».

Несколько особняком в корпусе историографических материалов стоят оставшиеся неопубликованными научные работы лионских исследователей Мишеля Гардетта и Давида Гарсиа³⁰. Диссертация историка, ныне одного из заместителей директора парижского Института политических наук Гардетта уникальна с точки зрения источниковой базы. Автор использовал при ее подготовке интервью с Паскалем, записанные в 1970-х гг. Нива, но так и не вышедшие в телеэфир³¹, а также побеседовал лично с другом Паскаля, таким же бывшим большевиком, французским коммунистом Марселем Боди, который прояснил интервьюеру некоторые факты из советского периода жизни Паскаля. Автор проанализировал процесс духовного становления и политический путь своего героя, уделяя основное внимание его религиозным взглядам. Диплом Гарсиа посвящен больше Паскалю как специалисту по истории России. Автор дает подробный анализ работам слависта и характеризует его вклад в развитие французской «россики».

Гарсиа также является автором статьи о Паскале, написанной для журнала Библиотеки международной документации (Нантер) по случаю торжественного открытия «Архивов Пьера Паскаля». Утверждая, что имя Паскаля «сегодня относительно забыто», автор предлагает в статье краткий обзор «оригинального жизненного пути человека, влюбленного в Россию». Работа интересна тем, что в ней приведены «свидетельства близких Паскалю людей» – Нива и Катто, прозвучавшие на открытии архивов. Автор размышляет также о новых перспективах в изучении личности и наследия Паскаля, говоря, что сегодня

³⁰ *Gardette M.* Pierre Pascal en Russie / Mémoire de maîtrise, Université Jean Moulin, Lyon III. 1984; *Garcia D.* Pierre Pascal (1890–1983). Un historien de la Russie / Mémoire de master 2, Université Paul Valéry, Montpellier III. 2006; *Idem.* Les archives de Pierre Pascal (1890–1983) // Journal de la Bibliothèque de documentation internationale contemporaine et ses lecteurs. 2006. № 15 septembre. P. 4–5.

³¹ Pierre Pascal (1890–1983). Archives du XXème siècle, réalisées par Pierre Brissot, réunies par Jean José Marchand. Entretiens filmés les 20 novembre et 4 décembre 1970. SFP.

в них превагирует «критическая тенденция». В качестве примера он приводит две «свежие» и противоположные по отношению к Паскалю работы, вышедшие одна за другой на страницах одного издания. Первая статья, «прекрасная» по оценке Гарсиа, написана исследователем русской литературы и одновременно генеральным директором Французской торгово-промышленной палаты в России Павлом Шинским, осуществившим компаративный анализ работ двух французских специалистов по русскому старообрядчеству Паскаля и Сергея Зеньковского³². Вторая статья, автора которой, по мнению Гарсиа, «можно упрекнуть», – уже упомянутая работа Кокена о Паскале в эмиграции.

Такой интерес к личности Паскаля не удивителен для лионских историков, ведь именно профессор Лионского университета Режи Ладу стал первым, кто начал основательное изучение деятельности аббата Портала, в частности возглавляемого им парижского кружка по изучению России и перспектив объединения церквей, членом которого был и Паскаль. Хотя опубликованная в виде монографии диссертация Ладу и другие его работы и не были посвящены непосредственно Паскалю, но их смело можно включить в историографию о нем, ведь именно они во многом позволяют понять, почему молодой француз, воспитанный на латинской и греческой филологии, и воцерковленный католик («тала»³³), исповедующий экуменические идеи, до такой степени связал свою жизнь с Россией, что безоговорочно принял революцию и советскую власть³⁴.

Определенно заслуживает внимания критический очерк историка, исполнительного директора Совета европейских исследований при Колумбийском университете (Нью-Йорк) Иоанниса Синаноглу. Его статья – это рецензия на первый том «Русского дневника» Паскаля³⁵. Ранее Синаноглу уже публиковал результаты своих архивных разысканий о французах в революционной России – Албере Тома и Эжене Пети – и, являясь специалистом по истории русско-французских связей того периода, был хорошо знаком с мемуарами

³² *Chinsky P.* S.A.Zenkovski et P. Pascal, une histoire de la vieille foi // Cahiers de l'émigration russe. № 7. Les historiens de l'émigration russe. P., 2003. P.141–149.

³³ «Tala» верующий студент-католик, на жаргоне учеников Эколь Нормаль («тот, кто идет на мессу»).

³⁴ *Ladous R.* Monsieur Portal et les siens (1855–1926). P., 1985; *Idem.* Une communauté de travail slavophile. Nepluyev entre l'utopie et le miracle // Politica Hermetica (spécial « Esotérisme et socialisme»). 1995. № 9. P. 118–130; *Idem.* Portal // Dictionnaire du monde religieux dans la France contemporaine. T. 9. Les sciences religieuses (1800–1914). P., 1996, P. 539–540; *Idem.* Un bonheur russe. La communauté slavophile de Nicolas Népluyev. Lausanne, 1997.

³⁵ *Sinanoglou I.* La Russie dans la Première Guerre mondiale: Le témoignage de Pierre Pascal // Cahiers du monde russe et soviétique. 1976. Vol. 17. № 4, octobre-décembre. P. 485–493.

побывавших в России французов. Он подчеркнул, что воспоминания Паскаля о пребывании в России в разгар войны и революции – «уникальный документ» в ряду остальных, отличающиеся «широтой и исключительностью взгляда, может даже пророческим качеством». По мнению Синаноглу, дневник не отмечен ни присущим остальным воспоминаниям французов оттенком национализма, ни негативными суждениями о роли русских в войне, а потому вдвойне является исключением из правил. Его дневник правильнее было бы озаглавить «Над схваткой», нежели «Во французской военной миссии», считает Синаноглу. Он почти на десяти страницах дает развернутый анализ текста дневника, обильно цитируя его и другие документальные свидетельства, поясняющие слова Паскаля. «В том, что касается сведений о произошедших событиях, этот дневник мало чем отличается от других и не несет в себе новых элементов, его ценность заключается в исключительной чувствительности Паскаля к русской среде, его активном участии в интеллектуальной жизни в России и в его сопричастности к традиции социального католицизма», – заключает автор.

В завершение обзора хотелось бы рассказать о работах французской исследовательницы, которая сегодня активно занимается изучением личности и научного наследия Паскаля³⁶. Это – историк, архивист и преподаватель парижской Эколь Нормаль Софи Кёре. Паскалем она заинтересовалась в связи со своими исследованиями франко-российских отношений во время и после революции 1917 г. и образа Советской России во Франции. Уже в первых своих работах на эти темы Кёре упоминала Паскаля и цитировала его мемуары. Вновь она обратилась к личности Паскаля, когда работала над историей архивов в СССР и, в частности, французских архивов в Москве, поскольку Паскаль занимался классификацией фонда Гракха Бабефа в Институте Маркса–Энгельса. Весной 2008 г. Кёре представила первые результаты своих исследований о «воззрениях французского большевика», где сфокусировала свое внимание на вопросе политического выбора Паскаля – его «обращении в веру», а затем «отходе от ангажированности и разочаровании». Автор анализирует путь Паскаля к коммунизму, указывая на его основные элементы: «ненависть к доминирующе-

³⁶ *Cœuré S.* La grande lueur à l'Est. Les Français et l'Union soviétique (1917–1939). P., 1999; *Idem.* La langue russe et la «carte mentale» de l'Europe au XXe siècle. Réflexions sur l'exemple français // *Matériaux pour l'histoire de notre temps*, dossier «Europes Russie, culture, identités, frontières», BDIC. № 76. 2004, octobre–décembre. P. 27–33; *Képe C.* Русский язык и «ментальная карта» Европы в XX веке: размышления на примере Франции // *Россия и Франция. XVIII–XX вв.* Вып. 9. М., 2009. P. 287–304; *Cœuré S.* Pierre Pascal, ancien bolchevik et professeur de russe: un témoin détourné de l'URSS contemporaine dans la France des années 1930 // *Французы в научной и интеллектуальной жизни России (XIX–XX вв.)*. М., 2010. С. 281–292.

му образу жизни своей буржуазной среды, антимилитаризм, смутное стремление к политическому обновлению, ненависть к парламентской системе». Кёре не ограничивается только «русским периодом» жизни Паскаля, а пытается понять, как его «политическая рефлексия» отразилась на его «второй жизни» после возвращения во Францию (1933). В заключение она оговаривается, что «многое еще предстоит сделать, чтобы лучше понять эту “кашу в голове” Паскаля, эту скорее духовную, чем идеологическую политизацию, опирающуюся на неизменное восхищение революционным порывом русского народа и скорее на ценность дружбы, чем на подчинение партии как институту». Продолжая свою работу, Кёре изучала архивные материалы как во Франции, так и в России, а также обратилась к частной коллекции писем Паскаля, хранящейся у Жака Катто. Через два года, «осмыслив различные этапы формирования образа интеллектуала со столь лично окрашенной ангажированностью», исследовательница представила результаты своего исследования жизни и воззрений «бывшего большевика и профессора русского языка» в 1930-х гг. В этой работе она проанализировала его идейную позицию после возвращения на родину. Кёре отмечает, что Паскаль вовсе не следовал «правилам молчания» и «политическому нейтралитету», но выбрал свой путь самовыражения, свидетельством чему публикация им диссертации, где он «демонстрирует, что не отказался от веры в объединение церквей», и написание многочисленных рецензий, «где рассуждения о литературе и истории он сочетает с резкой критикой произведений о Советском Союзе». Работа Кёре примечательна и тем, что в заключение автор приводит документальные приложения, наглядно демонстрирующие сделанные выводы. Кёре, пожалуй, первой из французских исследователей провела столь комплексное изучение феномена Паскаля. Ее работы прекрасно документированы и базируются на широком круге источников. Обобщив результаты многолетних изысканий, она подготовила объемную докторскую диссертацию «Пьер Паскаль. Любовь к России: между христианской верой и коммунизмом»³⁷. Данная работа пока охватывает не весь период жизни и деятельности ее героя, а лишь до 1945 г. Тем не менее выхода работы в свет ждут с нетерпением многие исследователи, ведь с публикацией этого труда французская историография получит, наконец, наиболее полное освещение жизни и научно-исследовательской деятельности выдающегося слависта Пьера Паскаля.

³⁷ *Cœuré S.* Pierre Pascal. L'amour de la Russie, entre christianisme et communisme // *Cœuré S.* La passion soviétique en France au XXe siècle. Diplomatie culturelle, archives, médiateurs. Vol. 2. / Mémoire pour le diplôme d'habilitation à diriger des recherches. Université Paris I, Panthéon-Sorbonne. P., 2010.